

Филипп Чапковский

Григорий Юдин. Общественное мнение, или Власть цифр. Санкт-Петербург: Изд-во ЕУСПб, 2020. 173 с. ISBN 9785943802942.

Филипп Чапковский, Берлинский центр социальных наук (WZB). Адрес для переписки: WZB Berlin Social Science Center, Reichpietschufer 50, 10785 Berlin, Germany. philipp.chapkovski@wzb.eu.

Ханна Арендт в своем эссе «О насилии» цитирует одного из авторов американской конституции Джеймса Мэдисона: «Все правительства основаны на мнении». И добавляет: «тезис для разных форм монархии не менее истинный, чем для демократии» (2014:48). В «Истоках тоталитаризма» она распространяет эту же максиму дальше: «Тоталитарные режимы, пока они у власти, и тоталитарные вожди, пока они живы, “пользуются массовой поддержкой” до самого конца» (Арендт 1996:409). Но как именно мы можем измерить эту поддержку общества?

Одним из самых распространенных способов получить представление о том, что думает общество, стали массовые опросы. С момента их возникновения как популярного инструмента для предсказания исходов политических выборов не прекращаются споры о том, что именно они измеряют и не приносят ли они больше вреда, чем пользы. Парадокс в том, что рынок массовых опросов представляет их как инструмент, беспристрастно фиксирующий объективную реальность, в то время как на самом деле эта реальность во многом самими опросами и формируется. Это свойство не могло не сделать его одним из важнейших инструментов политической манипуляции.

В своей книге «Общественное мнение», вышедшей в серии «Азбука понятий» Европейского университета в Санкт-Петербурге, Григорий Юдин замечает, что нигде опросы общественного мнения «не имеют таких функций и не играют такой системообразующей роли в политической системе, как в России» (с. 8). Действительно, существование незыблемого большинства (тех самых 86%), которые поддерживали практически любую инициативу правительства, завораживающе действует на противников существующего режима. Главная цель книги Юдина – в том, чтобы расколдовать эту замороженность, поместить ее в контекст социальной науки, которая давно размышляет над феноменом общественного мнения, и понять, почему «объективность» сухих опросных цифр – кажущаяся.

Прежде чем приступить к историческому обзору того, как зарождалось понятие об обществе, Юдин хочет очистить уже сложившееся понятийное поле от широко распространенных мифов. Он выбирает три из них. Во-первых, вопреки расхожим представлениям, общественное мнение – это не только и не столько цифры опросов, сообщающие, каков процент поддерживающих ту или иную политическую позицию, партию или кандидата. Контекст имеет значение: мы склонны забывать, что людям свойственно менять свою позицию в зависимости от того, спрашивают ли их в процессе опроса или на выборах, а также в зависимости от того,

кто спрашивает и кто формирует список возможных вариантов ответа. Это, а также множество других мелких и крупных факторов делают результаты опросов куда менее объективными, чем они выглядят на первый взгляд. Второй миф – представление, будто опросы лежат в сфере ответственности социологии. На самом деле, замечает Юдин, опросы – из области инструментария политологов и политтехнологов, а социологи традиционно относятся к ним с подозрением. И наконец, третий миф – о том, что в поистине демократическом обществе решения должны были бы приниматься строго в соответствии с массовыми предпочтениями, отраженными в опросных цифрах. Как показывает Юдин, сама идея выражения общественного мнения через агрегирование индивидуальных мнений происходит из понятия плебисцитарной демократии, сводящего роль общества к толпе, легитимирующей лидера своей поддержкой (с. 133).

В первой из трех глав своей книги Юдин увлекательно описывает историю возникновения понятия «общество» в результате борьбы двух школ: условно «левой» руссоистской, приписывающей обществу изначально разумные свойства, и «правой», отрицающей у малообразованных масс способность к разумным решениям. Еще со времен платоновской пещеры, в которой лишь избранные имели ясное представление об окружающей действительности, идет спор о том, способны ли массы не только выносить правильное решение, но и вообще иметь адекватное суждение о происходящем вокруг – в первую очередь, о сложных политических процессах. Как писал Роберт Ласкин в своем обзоре исследований политической психологии, «нет сомнения, что большинство наших граждан знают о политике ошеломляюще мало» (Luskin 2002:282). Эта буржуазная, как ее называет Юдин, школа мысли настаивала на том, что необразованное большинство не способно принимать разумные решения. Однако, начиная с Жан-Жака Руссо, возникает антиэлитарная школа, утверждающая, что глубинная народная воля не нуждается в поводырях, а сама является источником истины. Индустриализация и – как результат – широкое распространение образования, казалось бы, давали шанс на возможное примирение между антиэлитарным и антидемократическим взглядом на роль общественного мнения. Но такие скептики, как Джон Стюарт Милль, опасались, что общественное мнение, вне зависимости от общей образованности, – не более чем «коллективная посредственность» (с. 56), стремящаяся утвердить тиранию большинства. С возникновением средств массовой информации, заинтересованных в усилении общественных эмоций, эта посредственность, как показало дело Альфреда Дрейфуса во Франции в конце XIX века, обретает еще и агрессивные черты (с. 59). И Юдин прослеживает парадоксальную динамику: в течение всего XIX века происходит разочарование в общественном мнении и одновременное усиление его влияния.

Это влияние достигает своей абсолютной формы благодаря Джорджу Гэллапу и популяризованным им в 1930-е годы репрезентативным опросам. Про то, как общественное мнение из размытого понятия XIX века превращается в объективный измеряемый феномен, – вторая глава книги. Помимо доступного описания самого метода случайной выборки, предложенного Гэллапом, Юдин описывает и стоявшую за ним политическую повестку (с. 98–100) – дескриптивную репрезен-

тацию (с. 103). Правильно проведенные опросы возвращают в американскую политическую жизнь того времени надежду на то, что решения будут приниматься не в закрытых клубах в процессе обсуждения небольшими элитными группами, а на основании реальных предпочтений граждан, измеренных с помощью метода репрезентативной выборки. Этот весьма оптимистичный взгляд, как ни странно, оказался очень живуч: еще в 1996 году Сидни Верба, президент Американской ассоциации политических наук, писал, что «опросы дают именно то, что должна давать демократия – равное представительство для всех граждан». «Выборочный опрос строго эгалитарен; его суть в том, чтобы каждый гражданин имел равные шансы на участие и равный голос при участии» (Verba 1996:3). Но очень быстро стали слышны более пессимистичные голоса, утверждающие, что опросы общественного мнения – не вполне то, чем нам кажутся. Наиболее емко это сформулировал Пьер Бурдьё, чье эссе с броским названием «Общественного мнения не существует» пересказывает Юдин (с. 113–115). Бурдьё пишет, что само понятие «общественное мнение» претендует на отражение реальности, которой не существует. Зачастую у людей нет никакого мнения, пока их об этом не спросят. Опросы сами создают ту повестку, в рамках которой респонденту остается лишь выбирать из ограниченного набора опций, которые ему уже подобрали. То есть опросы не инструмент для исследования общественного мнения, а один из механизмов его производства.

Подобного рода циклические зависимости делают общественное мнение (и его численное выражение в виде массовых опросов) трудным объектом для исследования. Это усложняется двумя факторами. Во-первых, пресловутая тирания большинства, предсказанная Миллем, обретает убедительное численное содержание и начинает оказывать давление на меньшинство, которое предпочитает молчать, еще сильнее усиливая давление большинства, – эта «спираль молчания» (с. 120), описанная впервые Элизабет Ноэль-Нойман в Германии Третьего рейха, кажется как никогда актуальной сейчас. Во-вторых, остается открытым вопрос о том, как соотносится общественное мнение и политическое действие. Об этом – последняя глава книги.

Лидер в плебисцитарной/опросной демократии обладает властью постольку, поскольку может предъявить цифры общественного мнения в качестве собственной легитимации (с. 137). Небольшой формат книги не позволяет подробно обсудить интересный вопрос о том, создает ли общественное мнение собственную политическую повестку. Сторонники радикально скептического взгляда на роль общественного мнения в демократии утверждают, что в репрезентативной демократии политики игнорируют мнение общества и лишь используют инструменты, его измеряющие, для продвижения собственной повестки (Jacobs and Shapiro 2000). Истина, вероятно, где-то посередине. На американском примере это особенно интересно наблюдать вокруг академических дебатов о взаимозависимости решений Верховного суда США и общественного мнения: кто-то утверждает, что Верховный суд идет на поводу у общественного мнения (Casillas, Enns, and Wohlfarth 2011), кто-то доказывает, что, наоборот, общественное мнение меняется под влиянием решений Верховного суда (Stoutenborough, Haider-Markel, and Allen 2006).

Впрочем, база для плебисцитарных режимов подтачивается уменьшающимся желанием людей и голосовать, и – еще сильнее – принимать участие в опросах (с. 129). Более того, пока непредставленность среди опросной популяции и среди потенциальных избирателей примерно одинакова, опросы все еще способны предсказывать исход выборов. Но если вдруг выборы мобилизуют существенную группу, не участвующую в опросах, есть шанс получить столь же неожиданный исход, как на американских президентских выборах 2016 года (с. 145).

В конце книги Юдин без подробностей (в силу небольшого объема работы) описывает, что может ждать нас в постопросную эпоху. Новые медиа и повсеместный доступ к интернету открывают новые возможности, которыми пользуются не только демократии. Лишенные обратной связи из-за исчезающей надежности опросов, гибридные режимы создают онлайн-платформы для вовлечения населения в принятие решений, причем это намерение может носить как искренний характер (консультативный авторитаризм в Китае, см. Truex 2017), так и имитационный, когда реальная цель состоит в блокировании инициатив немногочисленной оппозиции (Тоерфл 2018).

Еще недавно книга Юдина могла бы послужить не только источником знания о тех изменениях, которые претерпевало понятие «общественное мнение», но и поводом для оптимизма. Во всяком случае для тех, кто ощущал себя принадлежащим к меньшинству. В 1957 году Пол Лазарсфельд, один из влиятельнейших социологов, изучающих общественное мнение, заметил, что, говоря об общественном мнении, социологи-классики часто имели в виду тех людей, которые не принадлежат к правящему классу, но хотят быть услышанными, или, как написал Сесиль Эмден, людей, которые думают об общественных проблемах, но лишены доступа к власти (Lazarsfeld 1957). Для российского читателя эта книга до недавнего времени была бы особенно интересна потому, что власть как раз пыталась использовать политтехнологический инструмент, которым стали соцопросы в России, для воздействия на эту группу хорошо образованных городских жителей, лишенных власти, но не лишенных интереса к политике, проще говоря – интеллигенции. Иными словами, молчаливая легитимация, предоставляемая власти 86-процентным большинством, использовалась для демотивации оставшихся 14% недовольных статус-кво. Это безвластное меньшинство (среди которого наверняка можно найти и читателей этой рецензии) перестало существовать после февраля 2022-го. Или, точнее говоря, применение к нему столь софистицированных инструментов воздействия, как соцопросы, стало нерелевантно.

В обзорной книге про общественное мнение при разных режимах Ирвинг Креспи пишет, что разница между авторитаризмом и тоталитаризмом в том, что авторитарные режимы готовы терпеть общественное мнение до тех пор, пока оно не вступает в конфликт с его целями, а тоталитарный режим воспринимает любое общественное мнение как непосредственный вызов своей легитимности (Crespi 2013). Это, возможно, слегка наивная типология, но, кажется, трудно подвергнуть сомнению тот факт, что после февраля 2022 года значимость института общественного мнения резко упала. Согласно расхожему историческому анекдоту Фридрих Великий говорил, что предпочитает, чтобы его подданные не задумывались о войнах, которые ему приходится вести (Newcourt-Nowodworski 1996).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт, Ханна, 1996. *Истоки тоталитаризма*. М.: ЦентрКом.
- Арендт, Ханна. 2014. *О насилии*. М.: Новое издательство.
- Casillas, Christopher J., Peter K. Enns, and Patrick C. Wohlfarth. 2011. "How Public Opinion Constrains the U.S. Supreme Court." *American Journal of Political Science* 55(1):74–88. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2010.00485.x>.
- Crespi, Irving. 2013. *The Public Opinion Process: How the People Speak*. New York: Routledge.
- Jacobs, Lawrence R., and Robert Y. Shapiro. 2000. *Politicians Don't Pander: Political Manipulation and the Loss of Democratic Responsiveness*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lazarsfeld, Paul F. 1957. "Public Opinion and the Classical Tradition." *Public Opinion Quarterly* 21(1):39–53. <https://doi.org/10.1086/266685>.
- Luskin, Robert C. 2002. "From Denial to Extenuation (and Finally Beyond): Political Sophistication and Citizen Performance." Pp. 281–305 in *Thinking about Political Psychology*, edited by James H. Kuklinski. Cambridge: Cambridge University Press.
- Newcourt-Nowodworski, Stanley. 1996. *Black Propaganda in the Second World War*. Cheltenham, UK: The History Press.
- Stoutenborough, James W., Donald P. Haider-Markel, and Mahalley D. Allen. 2006. "Reassessing the Impact of Supreme Court Decisions on Public Opinion: Gay Civil Rights Cases." *Political Research Quarterly* 59(3):419–433. <https://doi.org/10.1177/106591290605900310>.
- Toepfl, Florian. 2018. "Innovating Consultative Authoritarianism: Internet Votes as a Novel Digital Tool to Stabilize Non-Democratic Rule in Russia." *New Media & Society* 20(3):956–972. <https://doi.org/10.1177/1461444816675444>.
- Truex, Rory. 2017. "Consultative Authoritarianism and Its Limits." *Comparative Political Studies* 50(3):329–361. <https://doi.org/10.1177/0010414014534196>.
- Verba, Sidney. 1996. "The Citizen as Respondent: Sample Surveys and American Democracy Presidential Address, American Political Science Association, 1995." *American Political Science Review* 90(1):1–7. <https://doi.org/10.2307/2082793>.